

Софья, представительнице благородного и гуманно-европейского развития <...>, вложил Фонвизин одну из замечательнейших фраз в своем „Бригадире“, а дура бригадирше, которую он уже до того подделывал душой, да еще не простой, а ретроградной душой, что все нитки наружу выпли и все глупости, которые она говорит, точно не она говорит, а кто-то другой, спрятавшийся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Ведь он ее не только круглой душой, даже и дурной женщиной сделал, а все-таки побоялся и даже художественно невозможным почел, чтобы такая фраза из уст благовоспитанной по-оранжерейному Софьи выскочила, а почел как бы натуральнее, чтоб ее изрекла простая, глупая баба. Вот это место, его стоит вспомнить. Это чрезвычайно любопытно и именно тем, что написано безо всякого намерения и заднего слова, наивно и даже, может быть, нечаянно. Бригадирша говорит Софье:

...у нас был нашего полку первой роты капитан, по прозванию Гвоздилов; жена у него была такая изрядная-изрядная молодка. Так, бывало, он рассерчает за что-нибудь, а больше хмельной; так веришь ли богу, мать моя, что гвоздит он, гвоздит ее, бывало, в чем душа останется, а ни дай, ни вынеси за што. Ну мы, наша сторона дело, а оно заплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о том, что возмущает человечество.

Бригадирша. Вот, матушка, ты и *слушать* об этом не хочешь, каково ж было *терпеть* капитанше?

Таким-то образом и сбрендил благовоспитанная Софья своей оранжерейной чувствительностью перед простой бабой. Это удивительное репарти (сиречь отповедь) у Фонвизина, и нет у него ничего метче, гуманнее и... нечаяннее» (V, 58).

Достоевский подчеркивает художественную живучесть созданной Фонвизиним фигуры Гвоздилова: несмотря на изменившуюся социально-историческую и культурную обстановку, те же Гвоздиловы, хотя и в ином, буржуазном обличье, продолжают существовать в условиях новой, пореформенной России (где фонвизинский Гвоздилов «жив и здоров, сыт и пьян», V, 58). Современные «оранжерейные прогрессисты» готовы видеть, но ироническому замечанию писателя, движение вперед в том, что цивилизовавшийся пореформенный Гвоздилов расчетлив, как всякий буржуа, а потому бьет жепу «только под пьяную руку да по старой привычке, когда уж очачь стоскуется. Ну, а ведь как хотите, это прогресс, все-таки утешение» (V, 59). Отвергая подобный благовоспитанный, «оранжерейный прогрессизм», Достоевский видит преимущество Фонвизина в том, что, как показывает невольное развенчание Софьи перед лицом необразованной «простой бабы» — бригадирши, драматург уже понимал — хотя и не вполне осознавал это — истинную цену отвлеченно-либеральных дворянского прогрессизма и чувствительности. Именно поэтому-то простую русскую женщину с ее слезами и «безгранично-всепрощающей